

Перспективы развития семейного права на рубеже десятилетий

Михеева Лидия Юрьевна,
председатель совета (руководитель)
Исследовательского центра частного права
имени С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
mikheeva@privlaw.ru

Статья посвящена основным направлениям совершенствования семейного права России. Предлагается модернизировать модель общего имущества супругов, правоотношения родителей и детей, а также модель алиментного обязательства.

Ключевые слова: семейное право, правоотношения родителей и детей, общее имущество супругов, алиментное обязательство.

Prospects of Family Law Development at the Turn of Decades

Mikheeva Lidia Yu.
Chairperson of the Board (Head) of the Private Law Research Centre
Under the President of the Russian Federation Named After S. S. Alekseev
LL.D., Professor

The article is devoted to the main directions of improving the family law of Russia. It is proposed to upgrade the model of the common property of the spouses, the legal relationship of parents and children, as well as the alimony obligation.

Keywords: the family law of Russia, the legal relationship of parents and children, the common property of the spouses, the alimony obligation.

15–16 ноября 2019 г. состоялась Международная научно-практическая конференция «Развитие семейного права. К 30-летию принятия Конвенции ООН о правах ребенка». Это была уже третья конференция по семейному праву, которую нам удалось организовать и провести совместно с профильными Комитетами Государственной Думы Российской Федерации.

В этот раз мы констатировали тот осязаемый эффект, который дает научная дискуссия, организованная на площадке парламента с привлечением представителей судебной системы, адвокатуры и нотариата. Стоит отметить, что многие из тех научных рекомендаций, которыми завершилась предыдущая конференция по семейному праву (28–29 сентября 2017 г.), воплощены в жизнь: приняты поправки к Семейному кодексу РФ, касающиеся уплаты алиментов, внесен проект федерального закона, корректирующий институты общей совместной собственности супругов и брачного договора¹, выпущено три постановления Пленума Верховного Суда РФ по вопросам семейно-правовых отношений, в частности, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов».

¹ Проект федерального закона № 835938-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Пользуясь случаем, автор этих строк хотел бы выразить признательность руководству Комитета по государственному строительству и законодательству и Комитета по вопросам семьи, женщин и детей Государственной Думы за плодотворное сотрудничество, а также всем коллегам, которые откликнулись на приглашение к участию в конференции 2019 г.

За время, прошедшее с нашей конференции 2017 г., не останавливалась в своем развитии и семейно-правовая наука. Можно смело утверждать, что теперь наметились контуры дальнейшего развития семейного права – той части отечественной правовой системы, которая долго искала в ней свое место и в отстаивании своей самостоятельности утрачивала способность адаптироваться к новым социальным условиям.

1. Оформился подход к имущественным отношениям между супругами как к одной из разновидностей обязательства. Это обязательство весьма длительное, хотя и конечное, и существо его сводится к тому, чтобы сохранять, потреблять и по возможности (или при наличии на то желания) увеличивать ту имущественную массу, которая именуется общим имуществом супругов и является результатом труда, предпринимательства, творчества и всех прочих видов экономической деятельности каждого из них.

Нет никакого сомнения, что правоотношение супругов представляет собой простое товарищество, только не стоит

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

думать о том, что это товарищество, покрываемое положениями главы 55 Гражданского кодекса РФ. Во-первых, глава 55 ГК РФ, к сожалению, весьма ограниченным образом определяет простое товарищество и довольно жестко регулирует саму эту конструкцию, не позволяя тем самым развивать целый ряд интереснейших гражданско-правовых связей хозяйствующих субъектов. Это обстоятельство не позволяет приравнивать закрепленную в ГК РФ модель к «идеальной» модели простого товарищества, которая вбирала бы в себя также все разновидности консорциумов, партнерств, синдикатов и прочих занимательных коллективов, объединяющихся для достижения общих целей. Во-вторых, для регулирования отношений супругов существует (и нет сомнений в том, что сохранится впредь) *lex specialis* в виде комплекса норм, закрепленных в Семейном кодексе РФ, а особый характер этого комплекса норм объясняется прежде всего крайне высокой степенью того, что называют лично-доверительным (фидуциарным) характером отношения, и отсутствием общей цели в виде извлечения прибыли (по общему правилу).

Задача наша сводится к тому, чтобы этот комплекс норм был усовершенствован как для того, чтобы учесть изменившиеся за четверть века экономические интересы сторон внутреннего правоотношения (супругов), так и для признания и уважения интересов участников внешних правоотношений, то есть кредиторов и должников супругов, интересы которых, по существу, в текущей модели практически не защищены. Сейчас, на рубеже десятилетий, наш правопорядок осознанно движется к поиску и установлению баланса между имущественными интересами всех участников гражданских правоотношений, в орбиту которых попадает брак.

Результаты применения норм семейного права во многих случаях не адекватны как существу внутреннего правоотношения, так и потребностям правоотношений внешних. Можно перечислить целый ряд таких последствий применения текущего законодательства, в числе наиболее заметных следующие:

– признание недействительными сделок об отчуждении общей недвижимости супругов в тех обстоятельствах, когда приобретатель этой недвижимости не знал и не мог знать о принадлежности объекта двум физическим лицам (в реестре не было соответствующей записи);

– судебные решения о разделе общего имущества супругов в виде признания за стороной спора права собственности на отдельный объект из состава общего имущества без определения судьбы иного имущества, в том числе общих долгов обоих супругов;

– вовлечение в конкурсную массу одного из супругов, формируемую для погашения его личных обязательств, всего общего имущества супругов.

В подавляющем большинстве случаев наблюдается не только рассогласованность позиций обновленного гражданского законодательства и семейного законодательства, сформированного в начале 1990-х гг., но и значительный разброс вырабатываемых судами правовых позиций по супружеским спорам, объясняемый невозможностью твердо опереться на качественное семейное законодательство, отвечающее социально-экономическому строю.

СК РФ 1995 г. был актом семейного законодательства переходной экономики – той, которая еще была основана в большей степени на личной собственности граждан,

но не на частной собственности. Каждое положение этого акта «заточено» под семью, у которой есть только одна квартира, один автомобиль, один вклад в госбанке. Разумеется, разработчики СК РФ не могли себе представить, насколько быстро россияне обзаведутся иной недвижимостью, бизнес-активами, в том числе находящимися за рубежом, а также, что немало важно, значительными по объему заемными обязательствами.

СК РФ 2020 г. должен стать Кодексом другой экономики. Основные предложения по модернизации институтов общего имущества супругов, брачного договора и банкротства супругов представлены в проекте федерального закона № 835938-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», на анализе которых мы не станем здесь останавливаться. Предложения эти довольно подробно и доступно описаны нами в пояснительной записке к законопроекту. Широкое профессиональное и общественное обсуждение законопроекта началось в октябре 2019 г., и хотелось бы надеяться, что оно поможет усовершенствовать проект, превратив его в результат общественного компромисса – федеральный закон.

Одним из самых важных элементов предлагаемой реформы является озвученная выше трансформация привычного для всех вещного правоотношения супружеской собственности в обязательственное правоотношение супругов, сопровождающееся защитой их активов от недобросовестных третьих лиц (тех, кто знал о существовании супружеского «товарищества») и справедливым распределением этих активов в случае развода. В этом смысле на поверхности находилось одно из предложенных в законопроекте решений, в соответствии с которым право требовать выплаты денежной суммы, которая будет присуждено супругу, не получающему в результате развода определенные активы, будет обеспечено залогом таких активов. Это не только уравнивает положение бывших супругов, но и будет их стимулировать к скорейшему исполнению оставшихся обязательств.

2. Стал очевиден существенный недостаток конструкции брачного договора. Несмотря на то что с самого начала комментаторы СК РФ говорили о гражданско-правовой природе этой сделки, положение о возможности ретроспективно признать эту сделку недействительной в любой момент, даже по прошествии десятков лет после ее заключения, со ссылкой на то, что экономический результат этой сделки все-таки отличается от законного режима имущества супругов, вопиющим образом конфликтовало с правилами ГК РФ о договорах и их исполнении.

В то время как принцип эстоппель все более уверенно вселялся в отечественный правопорядок, судебная практика по делам о признании брачных договоров недействительными демонстрировала иные подходы даже в случаях, когда один из супругов на протяжении долгих лет семейной жизни всеми своими действиями подтверждал действие брачного договора, а о его недействительности задумывался лишь в ходе расторжения брака.

Брачный договор, как и любое «соглашение об ином», например, как корпоративный договор, безусловно, не похож на привычные подавляющему большинству цивилистов sinalлагматические сделки. Однако это не является основанием к тому, чтобы выводить его из-под действия принципов гражданско-правового регулирования, которому, кстати сказать, не чужда справедливость, как и семейному праву.

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Приведение главы СК РФ о брачном договоре в соответствие с обновленными положениями ГК РФ о сделках и договорах натолкнет всех нас на решение еще одной проблемы, имеющей «историческое» происхождение. Нужно определиться с тем, какая существует разница между природой соглашения о разделе общего имущества супругов и природой брачного договора. В соответствии с названным выше законопроектом таковой разницы практически нет, хотя, вероятно, эта мысль может быть не единодушно поддержана представителями науки семейного права.

3. Правоотношения, складывающиеся с участием детей, должны строиться на безусловном признании правосубъектности ребенка и приоритета его интересов, причем это должно быть не пустой декларацией, а твердым принципом правоприменения.

Осознание того несомненного факта, что судебный спор между родителями о месте жительства ребенка и о порядке общения с ним является не столько конфликтной стадией правоотношения между мужчиной и женщиной, сколько юрисдикционным способом определения порядка дальнейшего осуществления прав ребенка, способно существенно изменить не только саму процедуру, но и ее результат. Небольшим шагом в сторону приоритета интереса детей стали изменения, внесенные в законодательство Федеральным законом от 4 мая 2011 г. № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», однако до завершения этого пути еще очень далеко.

Для более глубокой проработки проблемы семейной правосубъектности ребенка требуется переоценка правового положения родителя по отношению к ребенку, в особенности переоценка категории «родительские права», основной составляющей внутри которой в правоприменении, к сожалению, становится некоторое не до конца объясненное субъективное право родителя, очевидно, имеющее абсолютный характер (абз. 3 п. 1 ст. 63, п. 1 ст. 68 СК РФ). К сожалению, это право, противопоставленное неопределенному кругу лиц, рискует превратиться в право, противопоставленное самому ребенку, в том случае, когда родитель начнет вопреки воле ребенка настаивать на предоставлении ему возможности личного общения с ребенком и воздействия на него. Не лишним будет напомнить в этой связи, что с точки зрения гражданского законодательства родитель в отношениях с ребенком собственного интереса не реализует и субъективными правами не обладает, поскольку является лишь законным представителем ребенка (одним из возможных законных представителей).

Конфликт между положением законного представителя и положением лица, имеющего законный интерес держать ребенка при себе и воспитывать его, отчетливо проявляется в целом ряде правоотношений, регулируемых не ГК РФ, а иными федеральными законами. Например, в случае, когда родитель дает разрешение (согласие) на медицинское вмешательство в отношении ребенка, он со всей очевидностью выступает в качестве законного представителя, и пределы его усмотрения должны быть ограничены исключительно интересами ребенка. Усмотрение родителя в этом случае не может быть связано, например, с его религиозными убеждениями и нравственными идеалами, в том числе с такими, которые он прививает своему ребенку.

Этот же конфликт явно заметен и в целом ряде случаев заключения между родителями соглашений о порядке общения с ребенком. Увы, по российскому праву эти соглашения не сопровождаются процедурой нотариального удостоверения или одобрения с помощью судебного акта, что существенно снижает ценность договора как инструмента реализации и защиты прав участников семейных правоотношений, а самое главное — не дает возможность проверить, насколько содержание такого соглашения отвечает интересам ребенка. Правовой науке еще предстоит сформулировать ответ на вопрос о том, является ли ребенок стороной этого соглашения, учитывая то, что его родители — всего лишь его законные представители (увы, подчас временные).

Все без исключения правовые ситуации, в которых родитель (или усыновитель, опекун, попечитель) реализует так называемые родительские права, выводят нашу правовую систему на путь к тому, чтобы свести к минимуму применение административных способов защиты семейных прав, переориентировав законодателя на максимальное использование различных судебных способов. В этой связи хочется напомнить, что соответствующие предложения уже были адресованы российскому законодателю в проекте федерального закона № 485737-4 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», который вводил в СК РФ и ГПК РФ специальную судебную процедуру отобрания ребенка при непосредственной угрозе жизни ребенка или его здоровью, однако был снят с рассмотрения.

4. Алиментное обязательство, будучи объясненным еще в советской правовой науке в качестве особой разновидности гражданско-правового обязательства, разумеется, природы своей за десятилетия не изменило. Меняются вместе с эпохами (да и то незначительно) лишь основания его возникновения. В этом отношении надо заметить, что представления о составе семьи, о слабой стороне семейного отношения и о тех, кто должен ее содержать, мало подвержены изменениям и свидетельствуют об отсутствии внутри российского общества в целом экзистенциальных, экономических и социальных потребностей что-либо менять в подходах к семье.

Гораздо более важной проблемой алиментного обязательства является отсутствие внутри правовой системы комплекса публично-правовых и частноправовых средств, стимулирующих должника к его исполнению и делающих неисполнение этого обязательства заведомо и гораздо более невыгодным, чем надлежащее исполнение. Впрочем, совершенно очевидно также, что у проблемы неисполнения алиментных обязательств существуют и явные экономические предпосылки, в связи с чем мысль о том, что уточнение закона заставит всех плательщиков алиментов оплатить долги, является утопией. С этой точки зрения конструкция алиментного правоотношения нуждается в большей гибкости, в отладке механизма определения размера алиментов, возможностей отсрочки и рассрочки, что, разумеется, возможно осуществить лишь при условии принятия государством на себя полноценных обязательств по содержанию ребенка, временно не получающего алименты.

К сожалению, формат этой публикации не позволяет изложить другие проблемы отечественного семейного права в контексте возможного их решения. Автор этих строк искренне надеется, что в рамках очередной конференции по семейному праву нам всем удастся их обсудить.